

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.105-110

Васечко В.Ю.

Три проекта: конфессиональная самоидентификация как фактор личного религиозно-нравственного поиска в русской философии

Аннотация. Интеллектуал, поскольку он касается социальных и мировоззренческих вопросов, непременно должен определиться и со своим отношением к роли института церкви в обществе и культуре. В частности, это касается той конфессиональной церкви и деноминации, с которой он себя идентифицирует. Актуальность этой проблемы тем острее, чем значимее роль церкви как социального института и чем большее место занимает религия в индивидуальных поисках конкретного мыслителя. Русская мысль XIX века предложила, как минимум, три варианта (традиции, парадигмы, матрицы), каждый из которых определяет свой специфический тип религиозно-философского дискурса: актуализация наличного духовного и культурного потенциала православия (Достоевский); протоэкуменизм и «свободная теократия» (Владимир Соловьёв); внеконфессиональное супранациональное христианство (Лев Толстой). Эти три проекта находят своих преемников среди современных отечественных авторов, считающих религию важнейшим фактором личностной и социальной самоидентификации.

Ключевые слова: церковь, православие, Достоевский, Владимир Соловьёв, Лев Толстой, личность, конфессионализм, свободная теократия, рационализация, экуменизм

Vyacheslav Y. Vasechko

Three Projects: Confessional Self-Identification as a Factor of Personal Religious and Moral Search in Russian Philosophy

Abstract. An intellectual, as concerning social and ideological issues, must necessarily determine the role of the institution of the Church in society and culture. This applies also to the confessional church or denomination with which he identifies himself. The greater is the place of religion in the individual search for a specific thinker, the higher is the urgency of this issue. The Russian thought of the XIX century offered at least three options (traditions, paradigms, matrices), each of the which defined its specific type of religious and philosophical discourse. They are: update cash spiritual and cultural capacity of the Orthodox Church (Dostoevsky); protoecumenism and «free theocracy» (Vladimir Solovyov); non-confessional and supranational Christianity (Leo Tolstoy). These three projects find their successors among modern domestic authors considering religion as the most important factor of personal and social identity.

Key words: Church, the Orthodoxy, Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Leo Tolstoy, personality, confessionalism, free theocracy, rationalization, ecumenism

---

Васечко Вячеслав Юрьевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН; Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16, каб. 912; vyacheslavpetro@narod.ru

Vyacheslav Y. Vasechko – Doctor of Philosophy, Associate Professor, senior researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; of. 912, 16 Sofii Kovalevskoj street, Yekaterinburg, Russia; vyacheslavpetro@narod.ru

Трое крупнейших русских мыслителей XIX века – Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв и Л.Н. Толстой, – при всех их расхождениях всегда оставались людьми религиозными, ставя и решая социальные и мировоззренческие вопросы в формате христианской парадигмы. Они всегда определённо и последовательно осуждали безверие, материализм и атеизм. Однако их личные отношения с православной церковью складывались по-разному. По-разному решали они и проблемы, связанные с её значением в истории и культуре России – прошлой, настоящей и будущей, с её местом в обществе и государстве, с её ролью в становлении личности христианина. Внимательный анализ этих различий показывает, что способы мышления и принципы, которыми руководствовались трое этих классиков русской культуры, сохраняют свою ценность и для современной России, явно или подспудно определяя характер тех споров, которые продолжаются среди отечественной интеллигенции.

1. Проект Достоевского. Безусловно, ближе всего к «церковной ограде» стоит Достоевский, особенно если мы рассматриваем последнее двадцатилетие его жизни, когда он довольно строго соблюдает православные обряды и праздники, регулярно посещая церковные службы. И в романах Достоевского, и в его журнальной публицистике («Дневник писателя») православие предстаёт в роли духовного, нравственного и организационного стержня русской цивилизации, выступает как живая душа русского народа, как высший ориентир и как спасение от всех несчастий. Православие – это та высшая идея, которой жив наш великий народ и благодаря которой он сможет «стать во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их <...> к окончательной цели, всем им предназначенной» [Достоевский, 2010, 496].

Но Достоевский далёк от идеализации как того состояния, в котором находится современная ему православная церковь. Он с горечью признаёт, что авторитет церкви в глазах низших сословий весьма низок и сам приводит тому немало примеров: отвращение от православия и увлечение в штундизм большой группы простых людей посредством обычной проповеди трезвости [Достоевский, 2010, 111–114], или же такой полуанекдотический случай: «Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли» [Достоевский, 2010, 256]. Именно православные семинарии плодят циников и нигилистов типа Ракитина, ярко описанного в «Братьях Карамазовых», а священники в массе своей невежественны и не склонны к честному диалогу с народом, даже хуже: «...Духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже. Кроме иных, ещё горящих огнём ревности о Христе священников, <...> остальные, если уже очень потребуются от них ответы, – ответят на вопросы, пожалуй, ещё доносом на них» [Достоевский, 2010, 622–623].

В целом, однако, проект Достоевского состоит в том, чтобы, не затрагивая радикально ни социально-политическое статус-кво, ни существующую церковную иерархию, не ломая их форму, попытаться влить в эти старые мехи новое вино: оживить, одухотворить эту конструкцию изнутри, воспитав молодое поколение православных (как мирян, так и священников) в духе истинно евангельских идеалов, сделав их христианами не на словах, а на деле. Понятно, что такая скромная программа с её упором на личное самопожертвование и неприятием насильственных методов в отношении существующих институтов, не посягающая на земные интересы клира, вполне импонировала официальной церкви, и эту традицию дореволюционной синодальной эпохи последовательно продолжают современная РПЦ и лояльные ей националистические круги. Достоевский здесь остаётся одним из корифеев, а его критические высказывания по адресу церкви либо замалчиваются, либо списываются на конъюнктуру того давно минувшего времени (см., например: [Григорьев, 2002], [Преподобный Иустин, 2007]).

Очевидно, что программа Достоевского продолжает находить отклик и у той части интеллигентной российской публики, которая признаёт, что церковное окормление необходимо для поддержания в массовом сознании народа традиционных духовно-нравственных ценностей и что выход за церковную ограду чреват непоправимыми и губительными последствиями для России как культурно-цивилизационного типа и, в конечном счёте, как для государства. То обстоятельство, что Достоевский

был предельно искренен и не скрывал своей критической настроенности по отношению к повседневной практике церковной жизни и к той роли, которую играет в социально-политической и культурной сфере православный клир, делает его личностью для этой части российского общества ещё более привлекательной. По мысли этих наших сограждан, те негативные и порой даже просто вопиющие явления, которые имеют место в церквях, монастырях, семинариях и епархиальных учреждениях, ещё не дают повода для каких-либо кардинальных реформ в структуре РПЦ и принципах её взаимоотношения с обществом. То, что церковь, в целом, пользуется пока в глазах населения более высоким авторитетом, чем чиновники, правоохранители и политики, лишний раз это подтверждает. А самокритичность, гласность и открытость призваны помочь ей очистить свои ряды от недостойных пастырей и стать ещё более нужной и полезной для православной паствы.

2. Проект Владимира Соловьёва. Владимир Сергеевич Соловьёв, будучи человеком академически образованным и не особенно тяготеющим к скрупулёзному исполнению церковных обрядов, в молодые годы был весьма близок Достоевскому. Однако в отношении к церкви он оказывается гораздо более рационалистичным, что в результате ставит его намного дальше от церковной ограды.

Соловьёв развёртывает концепцию «свободной теократии» – такого миропорядка, где будет значима каждая личность, где любой индивид получит право на собственный путь к Богу и встречное внимание с Его стороны, где предметом станет «человек как существо божественное, человек в Боге или человек как бог – такой человек, который “имеет область чадом Божиим быти”» [Соловьёв, 1999, 631]. Философ убеждён, что усилия тех или иных социальных структур, включая церковные институты, формализовать и регламентировать этот процесс опасны с этической точки зрения: вместо соработничества человека и Бога в деле пресуществления бытия (как земного, так и космического, вселенского) возымеет место подчинение духовного универсума личности чьим-либо корыстным и совсем не Божественным интересам.

В 1880-е годы Соловьёв становится активным проповедником идеи воссоединения христианских церквей, что впоследствии и создало ему славу как «пророка и мученика экуменизма». Узкий конфессионализм православия, его отказ от диалога с западными христианскими церквями, сращивание с государственно-бюрократическим аппаратом, национализм и «партикуляризм» вызывают у философа всё большее отторжение. Он считает, что «Каиафы и Ироды нашей [т. е. российской. – В.В.] бюрократии» и «зилоты воинствующего панславизма» [Соловьёв, 1991, 47] извратили великую христианскую идею, что синод и чиновники светской власти не могут быть церковными судьями в делах религии и что эта роль принадлежит только святым отцам церкви. Давая свой обзор церковной истории, Соловьёв проявляет заметную снисходительность к католицизму и, напротив, подчёркивает негативные моменты в византийском православии и православии русском как его преемнике.

Свой идеал церкви Соловьёв находит у славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) и некоторых католических писателей. Его главные признаки: 1) *вселенский характер* – в том смысле, что церковь должна представлять из себя единый и неделимый моральный организм, охватывающий весь мир (христианский, во всяком случае); 2) *непогрешимость* – постольку, поскольку будучи соборным органом, церковь способна преодолевать субъективную ограниченность и порочность отдельных своих членов и группировок; 3) *независимость* от земных правителей – именно такое качество даёт ей возможность возвыситься над делами и страстями этого мира и сосредоточиться на реализации своей божественной миссии. Ошибка славянофилов, считает Соловьёв, заключалась в том, что этот идеал, призванный реализоваться в отдалённом будущем и лишь благодаря долгой и трудной работе, они приняли за свершившийся факт и отождествили с нынешней Восточной Православной церковью. Последняя, представляя собой «департамент гражданской администрации» Российской Империи, всех указанных признаков лишена и поэтому не может быть даже зачатком будущей «Вселенской Церкви».

Очевидно, что проект Соловьёва представляет интерес для тех образованных россиян, которых вслед за ним не удовлетворяет обособление православия

от иных христианских конфессий, непоследовательность и формализм того диалога, который нынешняя РПЦ ведёт с католиками и протестантами, часто акцентируя внимание на догматических и обрядовых различиях и не желая идти на серьёзное структурное сближение. Импонирует этой части населения и «вселенская» установка Соловьёва, в которой христианская церковь, в целом, рассматривается как главный и необходимый фактор формирования единого общечеловеческого организма – политического, культурного, религиозного. Привлекает и то, что «теократия», о которой он много писал, является именно «свободной», не претендует на подавление человеческой личности и менее всего похожа на замкнутую корпорацию, основанную на жёстко-иерархическом принципе. И даже апокалипсические настроения последних лет жизни Соловьёва неплохо вписываются в эту картину, если мы верим, что признание реальной возможности воцарения Антихриста и конца света – это достаточно мощный стимул для всех христиан и вообще здравомыслящих и порядочных людей, чтобы объединить все здоровые и прогрессивные силы общества и не допустить такого поворота событий в действительности.

3. Проект Льва Толстого. Следующий и самый радикальный шаг в направлении от церковной огады к чистому разуму делает Л.Н. Толстой, который предпринимает грандиозную попытку собственной интерпретации христианства, в которой эта религия была бы полностью освобождена от мистических элементов и конфессиональной окраски. Именно такое христианство видится Толстому основой и форматом для диалога между воцерковлёнными и невоцерковлёнными, европейцами и азиатами, православными и неправославными – главное, чтобы человека волновал наиважнейший вопрос: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» Знаменитая «Исповедь», где эта мысль сформулирована в предельно острой форме, потрясла русское общество и стала началом того процесса, который вполне логично привёл её автора к разрыву с официальной церковью – разрыву, который получил окончательное оформление в специальном определении Святейшего Синода.

Всякая церковная религия и мораль, полагает Толстой, излишни, обременительны и опасны, так как церковь, подобно всякому институту, предполагает выделение когорты профессионалов, делающих из своих занятий средство для упрочения своего положения в обществе и вовсе не озабоченных вековечными вопросами. Последовательный логический анализ раскрывает противоречивость, софистику и казуистику церковных учений и, стало быть, их неразумность, а потому субъект, если он ориентирован на мышление честное и рациональное, никак не может руководствоваться их императивами ни в теории, ни на практике.

«Истинная вера не нуждается в церкви», «Церковная вера – рабство» [Толстой, 1993, 230], «Христос учил людей тому, что между Богом и человеком не нужно посредников. Он учил тому, что все люди – сыны Бога. Какие же могут быть посредники между отцом и сыном?» [Толстой, 1998, 73]. Церковь, позиционирующая себя в роли посредника между Богом и людьми, высшим и низшим миром, преследует при этом исключительно земные корпоративные интересы и, следовательно, однозначно является неразумным и вредным (с точки зрения истинной веры) учреждением. Поэтому в её деятельности Толстой не может, да и не хочет признавать ничего нравственно позитивного. Если речь заходит о сохранении, толковании и популяризации Священного Писания, то это для Толстого, когда такой деятельностью занимается служитель церкви, – «самый лютый соблазн – учителей веры, называющих себя православными. Берегитесь этого соблазна более всех других, потому что оно, эти самозванные учителя, придумав ложное богопочитание, отманывают вас от истинного Бога <...> Эти самозванные учителя, думая учить других, сами лишают себя истинной жизни и другим мешают познать её» [Толстой, 2001, 709].

Предельно рационалистический проект Толстого оказывается адекватным и приемлемым для той части наших мыслящих соотечественников, которые, не желая полностью порывать с религией, склонны отвергать церковные ценности как разновидность ценностей коллективистских вообще, а жить и действовать, опираясь исключительно на собственный разум. Привлекает их в толстовском учении и десакрализация библейских текстов с одновременным вниманием к тому, что обще-

священным книгам самых разных религиозных конфессий. Привлекают и толстовский антидогматизм и антимиристицизм при максимальном акценте на нравственных проблемах, связанных с проблемами добра и зла, смысла жизни и счастья реального живого человека. Мысли Толстого будут востребованы и самыми радикальными экуменистами – теми, кто не считает возможным ограничивать экуменизм рамками христианства и стремится найти зерно истины в любом религиозном учении.

Идеи Толстого будут созвучны чаяниям и тех, кто верит, что опора на разум помогает преодолеть пропасть между религиозным и атеистическим мышлением, наладить диалог между всеми людьми здравого смысла и доброй воли. Наконец, антиклерикализм Толстого оказывается важным для тех, кто не приемлет и псевдоэкуменические извращения, когда организуются массовые богослужения с участием всевозможных клириков и где свои ритуалы одновременно совершают христианские священники, мусульманские муллы, индусские брахманы, иудейские раввины, сибирские шаманы и африканские колдуны. Вычурность, нелепость и фарсовый характер подобных священнодействий лишь подчёркивают фальшь и противность разуму каждого конфессионального ритуала в отдельности.

Итак, перед нами три проекта, три парадигмы, которые, с одной стороны, опираются на прошлый отечественный и зарубежный религиозно-философский опыт, а с другой, предлагают различные форматы духовного и конфессионального самоопределения личности, которой предстоит действовать в новых социально-исторических координатах. Проект *Достоевского* предполагает, что человек, поскольку он воцерковлён и ведёт надлежащий богоугодный образ жизни, сможет максимально реализоваться в рамках православной иерархии ценностей, если он актуализирует тот духовный и культурный потенциал, который накоплен за почти двухтысячелетнюю историю этой конфессии. Проект *Владимира Соловьёва* носит более масштабный характер: «всеединое человечество», которое для него совпадает с христианским миром, предполагает самый широкий диалог между православием, католицизмом и протестантизмом, обязательное преодоление национализма и партикуляризма, которыми страдают православные церкви со времён Византии. Наконец, самый радикальный проект – *Льва Толстого* (которому и рамки христианства кажутся слишком тесными) – требует обращения к всемирно-историческому культурному опыту, поиска духовности и жизненного смысла в любом религиозном и философском учении, при обязательном условии отказа от национальной и конфессиональной идентификации.

Библиографический список

1. Григорьев, Д., протоиерей. Достоевский и церковь. У истоков религиозных убеждений писателя / Д. Григорьев, протоиерей. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. – 176 с.
2. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
3. Преподобный Иустин (Попович). Философия и религия Ф.М. Достоевского / Преподобный Иустин (Попович). – Минск: Изд-во Д.В. Харченко, 2007. – 309 с.
4. Соловьёв, В.С. Русская идея / В.С. Соловьёв. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – С.41–68.
5. Соловьёв, В.С. Критика отвлечённых начал / В.С. Соловьёв // Философское начало цельного знания. – Минск: Харвест, 1999. – С. 398–906.
6. Толстой, Л.Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
7. Толстой, Л.Н. Об истине, жизни и поведении / Л.Н. Толстой. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 1040 с.
8. Толстой, Л.Н. Четвероевангелие: Соединение и перевод четырёх Евангелий / Л.Н. Толстой. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 768 с.

Текст поступил в редакцию 28.04.2018.

References

1. Dostoevsky F.M. *Dnevnik pisatelja* [Writer's Diary]. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2010, 880 p. (in Russian).
2. Grigor'ev D., protoierej. *Dostoevskij i cerkov'. U istokov religioznych ubezhdenij pisatelja* [Dostoevsky and the Church. At the beginnings of the religious beliefs of the writer]. Moscow: Pravoslavnyj Svjato-Tihonovskij Bogoslovskij institut, 176 p. (in Russian).
3. Prepodobnyj Iustin (Popovich). *Filosofija i religia F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's Philosophy and Religion]. Minsk: Izd-vo D.V. Harchenko, 2007, 309 p. (in Russian).
4. Solovyov V.S. *Filosofskoe nachalo cel'nogo znanija* [Philosophical Principle of Whole Knowledge]. Minsk: Harvest, 1999, pp. 398–906 (in Russian).
5. Solovyov V.S. *Smysl ljubvi: Izbrannye proizvedenija* [The Meaning of Love: Selected Writings]. Moscow: Sovremennik, 1991, p. 41–68 (in Russian).
6. Tolstoy L.N. *Chetveroevangelie: Soedinenie i perevod chetyreh evangelij* [The four Gospels: a connection and translation of the four Gospels]. Moscow: Izd-vo IEKSMO-Press, 1998, 768 p. (in Russian).
7. Tolstoy L.N. *Ob istine, zhizni i povedenii* [On truth, life and behavior]. Moscow: ZAO Izd-vo IEKSMO-Press, 1998, 1040 p. (in Russian).
8. Tolstoy L.N. *Put' zhizni* [Path of life]. Moscow: Respublika, 1993, 431 p. (in Russian).